

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

*Елена Владимировна Рибокене, канд. экон. наук, доц.,
декан факультета управления
e-mail: eribokene@miemr.ru
Московский университет имени С.Ю.Витте
<http://miiv.ru>*

В данной статье выявлены и приведены закономерности и направления процессов эволюции институтов; обозначен вектор поведенческих установок в контексте глобализации и прослежена взаимосвязь между индивидуумами как элементами экономической системы, придающими экономической системе более сложную структуру и новые свойства, не присущие отдельным элементам; определены основы для разработки моделей поведенческих установок субъектов рынка.

Ключевые слова: институционализм, институциональная теория, экономика знаний, поведение экономических субъектов, экономика институтов, экономические агенты, трансформационный процесс, институциональное пространство, трансформация экономики.

Е.В. Рибокене

Актуальность данной темы обусловлена отчетливым проявлением неоднородности российского экономического пространства, характеризуемым, в том числе, и зависимостью от траектории предшествующего развития. Это подтверждается появлением все новых и новых векторов институциональной среды постиндустриального информационного общества и сопряжено с потребностью интеграции методологических принципов институционально-эволюционного подхода с другими парадигмами, служащими основаниями анализа институциональной динамики и выработки интеграционной эволюционной теории. В связи с этим анализ поведенческих установок субъектов рынка, использующих в реализации своих целей и интересов доступные их социальной позиции ресурсы и участвующих в преобразовании существующих институтов, приобретает особенное значение. В подобных условиях важным становится понимание того, возникновение каких специфических институтов сопровождает данный процесс; каковы институциональная платформа и доминанты в условиях сближения с глобализирующимся миром. Исследование взаимодействия абсолютно разных институтов в формате единой системной методологии способствует пониманию необходимости трансплантации и адаптации знания. Как указывает Т.В. Алексашина, в подобных условиях актуальным становится исследование появления и развития специфических институтов, сопровождающих процессы воспроизводства знаний, капитализации интеллектуального капитала и формирование институциональной платформы и доминанты [1]. Стадия развития, характеризующая Россию в настоящий период времени, – стадия экономики знаний. Дальнейшее движение от обозначенной стадии может осуществляться в двух направлениях: либо имитационная экономика, самоповтор и застой; либо – от экономики материальных благ к экономике знаний, институтов, культуры и мысли [2]. В подобных условиях расстояние от экономики знаний к экономике институтов возможно преодолеть через достижение такой степени развития экономики знаний, при которой запас знаний будет позволять решать основную часть практических задач жизнеобеспечения хотя бы на уровне простого воспроизводства жизненных благ. Сейчас ни мировая экономика, ни экономика России явно не достигла этой фазы [3]. К. Нордстрем и Й. Ридденстрале, в принципе, правильно фиксируют тенденцию, состоящую в последовательной смене перечисленных выше «экономик», однако ближайшей

последовательницей «экономики знаний» служит «экономика институтов» [4]. Возвращаясь к провозглашенному принципу, следует сказать о том, что и стандартизация, и вариативность, и разнообразие являются необходимыми для функционирования систем, и будущее возможно за оптимальным и гармоничным сочетанием данных тенденций.

Последовательная смена норм поведения, охватывающая все уровни и функциональные сферы экономики; вне рыночное внедрение институтов; формирование в сознании экономических агентов и их институциональных групп ментальных моделей, норм – индустриального мышления, целостной системы институтов, обуславливающей соответствующую динамику воспроизводственного процесса, – это то, что характеризует с институциональной точки зрения российскую экономическую трансформацию. В свою очередь, именно формирование ментальных моделей, национальная экономическая ментальность являются основополагающими элементами хорошо известного феномена *path dependency* – зависимости от предшествующего развития [5].

Длительность, внутренняя неоднородность и подчас неэффективность отдельных стадий трансформационного процесса неизбежно порождают вопрос об адекватности положенных в фундамент концепций поведения.

Современная институциональная теория допускает возможность резких изменений в экономической системе, наступление которых связывается с особенностями протекания эволюционных процессов, в числе которых, например, блокировка эволюционного развития и возникновение так называемого устойчивого хребтного (от греч. *chreos* – предопределенный, обреченный и *odos* – путь. Это означает, в силу случайных причин, что то или иное явление может начать свое развитие по неоптимальному пути, причем чем дальше продолжается такое развитие, тем труднее «свернуть» с выбранной траектории. Значение «хребтного эффекта» можно выявить в тенденциях процесса нелинейного развития экономической системы России.) эффекта – предопределенного пути. А это, в свою очередь, именно то, что необходимо для понимания современной российской ситуации, характеризуемой коренными изменениями экономической системы, совершенно не вписывающимися в формат эволюционного подхода. Источниками изменений являются «праздное любопытство» (творчество) и конфликты. Первый источник порождает научные, технические и социальные изменения, второй – трения между институтами, особенно сложившиеся в разные исторические эпохи. Вектор же институциональных изменений определяется изменениями самих институциональных структур.

Говоря о современной динамике развития институтов, следует учесть, что, будучи общепринятыми, они стабильны, но эта стабильность время от времени нарушается, сменяясь периодом распада одних институтов и появлением других. Однако появление нового института – событие действительно редкое. В этой связи уместно напомнить читателям о теории трансплантации экономических институтов, развитой В.М. Полтеровичем и рассматривающей факт приживаемости или неприживаемости институтов в чужеродной экономической среде: «институты возникают путем трансплантации» [6].

Совершенно очевидно, что кардинальные преобразования в любом обществе предполагают изменение институционального пространства, определяемое спектром выбора целей экономических субъектов. Поведение хозяйствующих субъектов регламентируется существующими в обществе институтами, без которых невозможна развитая социально-экономическая система. Продолжающаяся трансформация экономической системы в России наряду со сложившимися институтами приводит к становлению новых институтов, порождает развитие альтернативных институтов. Говоря о последних, следует заметить, что в исследованиях В.М. Полтеровича это так

называемые институциональные ловушки – неэффективные нормы поведения. Факт более низкой эффективности ловушечного института можно установить только при сравнении с альтернативной нормой. Однако признание необходимости существования альтернативной нормы (института) само по себе еще не дает полного понимания тех проблем, которые возникают при идентификации институциональных ловушек.

В свою очередь, упорное игнорирование в процессе реформ существенной институциональной неоднородности может привести к провалам реформаторских усилий. Так, в связи с превалированием на начальном этапе преобразований в институционально-правовом пространстве элементов западного образца, не был учтен ряд частных особенностей: нестабильность официальных правил игры; большая роль личной компоненты, вносящая частицу неопределенности в эти самые официальные правила игры; развитие неформальных норм трудовых взаимодействий. И главное, пожалуй, состоит в том, что три основных системообразующих института общества – экономика, политика и право – в ходе современных реформ подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и неодновременно.

Итак, возможно ли рассмотреть современное социально-экономическое пространство как единую систему, заключающую в себе множество относительно самостоятельных подсистем, состав и структура которых определяется в соответствии с позицией наблюдателя или группы наблюдателей? Ответ на данный вопрос созвучен актуальному принципу, провозглашенному К. Нордстремом и Й. Ридденстралем о том, что разнообразие и вариативность пришли на смену стандартизации.

Литература

1. *Рибокене Е.В., Алексашина Т.В.* Поведенческие установки субъектов рынка интеллектуального капитала в условиях институциональной неоднородности. – TRANSPORT-BUSINESSINRUSSIA. – 2013. – №6. – С.74.
2. *Клейнер Г.Б.* Состояние и перспективы российских промышленных предприятий: конфликт теории и практики. – М.: ГУУ, 2006.
3. *Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Микроэкономика знаний. – М.: Экономика, 2007.
4. *Нордстрем К., Ридденстрале Й.* Закат экономики знаний // Top-manager. – 10/01/2007.
5. *Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В.* Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социол. исслед. – 1996. – №5. – С. 94.
6. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – №3.

The institutional environment of the post-industrial information society

The article reveals and shows the patterns and trends of processes of evolution of institutions; marked vector behavioural attitudes in the context of globalization and traced the relationship between individuals as elements of the economic system that gives the economic system more complex and new properties that are not inherent in the individual items; defined the basis for developing models of behavioural attitudes of the actors of the market.

Keywords: Institutionalism, institutional theory, knowledge economy, the behavior of economic agents, economy institutions, economic agents, institutional space.

Elena Vladimirovna Ribokene, Candidate of Economic Sciences, associate professor, dean of faculty of management, Moscow Vitte University